

I. ЕДИНОЛИЧНОЕ ДВороХОЗЯЙСТВО В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССА РАСКРЕСТЬЯНИВАНИЯ (КОНЕЦ 1920-х — НАЧАЛО 1940-х гг.)

Проблемный контекст и параметры исследования. Наименее исследованным аспектом аграрной истории СССР 1930-х гг. являются социальные процессы, происходящие в рамках единоличного крестьянства¹. В то же время их анализ имеет не только познавательное, но и важное теоретическое значение. В историографии, как отечественной, так и зарубежной, не только не решен, но даже фактически не поставлен вопрос о социально-классовой сущности данной страты советского общества. Являлись ли единоличники "классическими" крестьянами, обладающими полным набором присущих этому классу родовых черт, или они представляли собой пограничную (маргинальную) группу крестьянства, разделявшую с последним лишь часть его социокультурных институций? Обоснованная типологическая квалификация единоличников на разных этапах эволюции этой группы сельского населения может использоваться как вполне надежный инструмент измерения степени раскрестьянивания российской деревни². Семейное дворохозяство как основа общественной самоорганизации крестьянства является наиболее значимой из его сущностных характеристик. Важное значение имеют и региональные аспекты исследования темы, которые способствуют воссозданию целостной картины функционирования социального механизма в масштабах всей страны.

Исследовательская задача, которая ставится в данном разделе, заключается в реконструкции основных тенденций и этапов развития дворохозяств крестьян-единоличников Западной Сибири в период с конца 1920-х по начало 1940-х гг. включительно. Нижняя хронологическая грань определяется временем выделения той части крестьянства, которая находилась вне коллективных хозяйств, в особый субъект права – единоличное крестьянство. В рамках последнего существенно отличными друг от друга законодательными статусами наделялись т.н. трудовые и кулацкие хозяйства. Верхняя грань – начало 1940-х гг. – время, когда индивидуальное крестьянское хозяйство в том виде, в котором оно существовало в Сибири с начала российской аграрной колонизации, было фактически ликвидировано.

Источники. Изучение динамики развития социально-классовых групп невозможно без привлечения массовых источников. Выбор их базовой разновидности диктуется особенностями организации статистического наблюдения объектов анализа в тот или иной период.

Исследователи доколхозной советской деревни для реконструкции ее социальной истории активно использовали материалы регулярно проводимых в 1920-е гг. комплексных переписей крестьянских хозяйств (выборочных и гнездовых динамических). После перехода к массовой коллективизации практика подобного рода обследований крестьянства была прекращена, а сельскохозяйственная статистика стала базироваться преимущественно на сборе и систематизации отчетных сведений местных организаций и учреждений. Форму переписи в исследуемый нами период сохранил лишь сплошной учет скота, который более или менее регулярно стал проводиться с середины 1930-х гг.

Другой специфической чертой организации сельхозстатистики в это время стало усиление ее ведомственности. Сепаратный мониторинг экономики единоличной деревни осуществляли планово-статистические, земельные, кооперативные и заготовительные органы. При этом отсутствовал комплексный подход к объекту наблюдения. Каждое ведомство производило учет лишь тех количественных показателей, знание о которых было необходимо для выполнения возложенных на него управленческих задач. Обработывались полученные данные по независимым методикам. Единство отсутствовало даже в определении критерия отнесения того или иного хозяйства в категорию единоличных. Полученные на основе различных методик данные заметно отличались друг от друга. Так, по сведениям Новосибирского областного земельного отдела, на 1 января 1938 г. в области насчитывалось 32,4 тыс. единоличных дворов, а по данным управления нархозучета – 42,4 тыс.³

Из вышесказанного вполне очевидно, что реконструкция динамики развития единоличных хозяйств на основе материалов сельскохозяйственной статистики будет недостаточно корректной⁴. Единственным выходом из создавшегося положения может стать обращение к налоговой статистике. Ежегодно проводимый финансовыми органами учет достаточно обширного набора экономических показателей каждого единоличного двора для его обложения сельскохозяйственным и иными денежными налогами и сборами фактически является единственным комплексным и систематическим обследованием единоличников как особой социальной группы населения. В связи с этим в качестве базового источника для реконструкции динамики развития единоличных хозяйств Западной Сибири в исследуемый период мы избрали результаты учета объектов обложения сельхозналогом, сведенные в статистические отчеты краевых и областных финансовых управлений. Легенды отчетов финорганов об итогах налогового учета, на основе которых написана

данная работа, приведены в примечании⁵ и далее в тексте не повторяются.

Следует отметить, что налоговый учет проводился и в годы нэпа. Но исследователи этого периода в своих работах его результатами практически не пользовались. Одна из причин игнорирования налоговой статистики заключается в том, что сельхозстатистика давала более точные сведения. Объекты обложения сельхозналогом выявлялись на основе устных показаний самих крестьян. Проверка этих показаний была лишь частичной. Отсюда достаточно существенный процент искажения данных в сторону их преуменьшения. В 1930-е гг. ситуация изменилась. Более тотальным стал государственный контроль. Его результативность повышалась постоянным снижением численности и удельного веса единоличников, а также сокращением размеров их дворохозяйств. Анализ налоговой практики 1920-х гг. показывает, что степень недоучета объектов обложения зависела от состоятельности крестьянских хозяйств и вероятностным образом изменялась от максимальных значений в наиболее зажиточных до минимальных или даже нулевых в бедняцких⁶. И дело здесь не в классовой сознательности сельских пролетариев. Размеры их хозяйств были слишком малы для того, чтобы что-то скрыть от налогового учета. Коллективизация превратила в бедняков всех единоличников. И чем дальше, тем больше они беднели и тем более "прозрачными" становились для финансовых органов. Таким образом, налоговая статистика единоличных хозяйств применительно к периоду 1930-х – начала 1940-х гг. является источником не только систематическим и комплексным, но и вполне достоверным.

Избрав налоговую статистику в качестве базового источника, мы обязаны следовать ее критериям определения единоличного хозяйства. Для финансовых органов единоличник – это не член колхоза, уплачивающий сельскохозяйственный налог. Налог же платили дворы, имеющие облагаемые источники дохода. К таковым прежде всего относились полевые и усадебные посевы зерновых, технических, овощных и иных культур, сады, ягодники, сенокосы, достигший облагаемого возраста рабочий и продуктивный скот⁷, пчелосемьи. В случае наличия в хозяйстве перечисленных объектов сельхозналогом облагались и получаемые его членами т.н. неземледельческие заработки. Если один или более членов семьи состояли в колхозе, а остальные ее трудоспособные члены вели индивидуальное хозяйство, то такая семья рассматривалась как два отдельных хозяйства – колхозное и единоличное. Рабочие и служащие не привлекались к уплате сельхозналога, если имели личное хозяйство, не превышающее по

своим размерам установленных норм⁸. В противном случае они квалифицировались как единоличники.

Естественно, что налоговой статистикой весь набор источников не ограничивается. Органичное место в нем занимают как опубликованные, так и извлеченные из архивных фондов документы нормативно-директивного и справочно-аналитического характера. Помимо этого используется демографическая и сельскохозяйственная статистика. Причем последняя, несмотря на отмеченные выше недостатки, не всегда только в качестве дополнительного или иллюстративного материала. Проводящийся один раз в год налоговый учет не позволяет зафиксировать все колебания динамики численности единоличных хозяйств. В то же время такую возможность дает одна из разновидностей сельхозстатистики – т.н. статистика коллективизации, под которой мы понимаем регулярно (вначале ежедекадно, а затем – ежемесячно и ежеквартально) предоставляемые крайколхозсоюзом, а затем краевыми или областными земельными управлениями в распоряжение руководящих партийных и советских органов сведения о числе колхозных дворов и проценте коллективизации деревни, которые с середины 1930-х гг. стали дополняться данными о количестве единоличных и общем числе крестьянских хозяйств.

Эти данные не всегда совпадают с результатами налогового учета. И причины этого заключаются не только в разнице методических подходов. По нашим наблюдениям, в ряде случаев соответствующие органы не утруждали себя подсчетом единоличников, а устанавливали процент коллективизации, исходя из ранее зафиксированного, но уже изменившегося общего количества крестьянских дворов. Имели место и факты фальсификации данных: число единоличников занижалось с тем, чтобы преувеличить успехи колхозного строительства. Тем не менее это обстоятельство не является препятствием для использования статистики коллективизации в первой части данного раздела, так как в ней ставится задача определения общих тенденций динамики численности и удельного веса единоличных дворохозяйств, а не абсолютно точного их числа на то или иное время.

Численность и удельный вес единоличных дворохозяйств. Процесс раскрестьянивания, социально-классовое содержание которого сводится к трансформации крестьянства в новую социальную общность, имеет не только качественные, но и вполне конкретные количественные показатели, к коим, в первую очередь, относится сокращение его численности и удельного веса в сельском населении, равно как и совокупном населении региона и страны в целом. В условиях капитализации экономики раскрестьянивание деревни происходит за

счет превращения части крестьян в сельских буржуа или пролетариев, а также интенсивной миграции в город. В результате крестьянские хозяйства либо превращаются в фермерские, либо самоликвидируются.

В 1920-е гг. капиталистическое раскрестьянивание сибирской деревни, которое и на предыдущем этапе ее развития так и не стало определяющим фактором социальной жизни, было фактически остановлено, а миграционные потери значительно перекрывались интенсивным естественным приростом. Однако в конце десятилетия на первый план выходит такая форма самоликвидации крестьянских хозяйств, как их вступление в колхозы, которое можно условно определить термином "социалистическое раскрестьянивание". Осенью 1927 г. в коммунах и сельхозартелях состояло 0,5% крестьянских семей Сибирского края. После принятия XV съездом ВКП(б) курса на коллективизацию сельского хозяйства страны темпы колхозного движения стали постоянно нарастать. На 1 октября 1929 г. указанные формы коллективных хозяйств объединяли 4,5% хозяйств региона⁹.

Переход большевистского режима к политике сплошной коллективизации изменил ситуацию в сибирской деревне качественным образом. В ходе ее первого этапа – с конца декабря 1929 г. по начало марта 1930 г. – было фактически ликвидировано более половины крестьянских хозяйств Сибирского края, 52 тыс. из них подверглось "раскулачиванию", в том числе 10,5 тыс. чел. было репрессировано и около 83 тыс. чел., или 16 тыс. семей, сослано в необжитые районы края¹⁰. Тысячи семей и одиночек бежали из деревни. Большая же часть ликвидированных хозяйств (около 782 тыс.) под угрозой насилия или поддавшись пропаганде, вошла в различные типы колхозов (преимущественно коммун). Имущество новоиспеченных колхозников либо почти полностью сдавалось в коммуны или артели, либо ими самими уничтожалось.

Следствием "большевистского натиска" стало резкое падение производительных сил сельского хозяйства. Чтобы окончательно не уничтожить аграрный сектор экономики и предотвратить всеобщее крестьянское восстание, власти скорректировали свою политику по отношению к деревне. Насильственные методы коллективизации были официально дезавуированы. И крестьяне стали выходить в массовом порядке из колхозов. Процент коллективизации по округам, вошедшим в Западно-Сибирский край, упал с 52,1% на 10 марта до 21,9% на 20 мая (в 2,4 раза)¹¹. Проведенный в 1930 г. налоговый учет зафиксировал на территории края 1139,1 тыс. единоличных и 248,9 тыс. колхозных дворов¹². Доля единоличников в общей численности сельского населения, по нашим подсчетам, составляла около 78%, еще 14–15%

приходилось на колхозников и 6–7% – на остальные категории жителей деревни.

Отступление режима весной 1930 г. носило тактический характер. Уже в начале следующего года начался новый штурм единоличной деревни. Налоговый нажим, ограничение землепользования, политическое и административное давление, постоянная угроза экспроприации вынуждали крестьян-единоличников либо вступать в колхозы, либо бежать из деревни. В 1931 г. была проведена еще более широкомасштабная, чем в предыдущем году, операция по высылке жителей деревни, относимых к "кулакам". В мае в Западно-Сибирском крае было экспроприровано и выслано на спецпоселение около 40 тыс. крестьянских семей¹³. Усиление нажима на деревню привело к нарастанию темпов коллективизации. По официальным данным, ее процент в Западной Сибири увеличился с 22,5% на 1 января 1931 г. до 34,9% на 1 апреля, 52,5% на 1 июля и 59,5% на 1 ноября. Если исходить из статистики коллективизации, то к концу 1931 г. в регионе насчитывалось 755,5 тыс. колхозных и 489,1 тыс. единоличных дворов (соответственно 60,7 и 39,3%)¹⁴.

На долю единоличников в Западно-Сибирском крае приходилось 8,3% посевных площадей, 36,3 – лошадей, 34,5 – крупного рогатого скота (КРС), 30,4 – овец и коз, 35,3% – свиней. Удельный вес единоличного сектора экономики в маслозаготовках в 1931 г. составил 41%, в хлебозаготовках 1931/32 г. – 22,6%¹⁵. Таким образом, аграрная экономика Сибири в течение 1931 г. перестала быть крестьянской, а крестьянское хозяйство – ее основной организационно-производственной ячейкой.

В 1932 г. коллективизация западносибирской деревни приостановилась. На начало этого года ее уровень составлял 60,7, а на конец – 63,2%. При этом число колхозных дворов сократилось с 755,5 тыс. до 749,6 тыс.¹⁶ Согласно итогам налогового учета 1932 г., в регионе насчитывалось 451,5 тыс. единоличных хозяйств, что практически совпадает с данными статистики коллективизации. По нашим подсчетам, в конце этого года удельный вес единоличников в совокупной численности сельского населения Западно-Сибирского края составлял 31%, колхозников – 54 и прочих категорий – 15%.

Весной 1933 г. процесс коллективизации в регионе сдвинулся с места и к 1 июля достиг показателя 68,7%. Однако затем начался новый и достаточно продолжительный застой. На 1 января, 1 апреля и 1 июля 1934 г. официально зафиксированный уровень коллективизации оставался неизменным и составлял 68,2%. Если исходить из этих данных, то в западносибирской деревне вне колхозов на указанные даты находилось соответственно 393,8 тыс., 393,5 тыс. и 393,3 тыс.

крестьянских дворов¹⁷. Налоговый учет выявил несколько большее их количество – 407,0 тыс. (в т.ч. в новых границах Западно-Сибирского края – 314,6 тыс.).

К приостановке коллективизации привело ослабление экономического и политического давления на единоличников. Основные усилия режима переключились на т.н. организационно-хозяйственное укрепление колхозов, их чистку от "классово чуждых и разложившихся элементов" и "социалистическое воспитание колхозников". Аналогичная ситуация сложилась и в большинстве других регионов страны. Около трети крестьянских хозяйств России, пережив бурю и натиск первых лет коллективизации, адаптировались к сложившимся политико-экономическим условиям и не желали терять свое единоличное состояние. Ответ режима не заставил себя долго ждать. Политический и экономический прессинг на единоличников резко усилился. Наиболее действенным способом давления на них стало налогообложение, которое приобретало реквизиционный характер. Общие размеры обложения единоличных хозяйств основными видами денежных налогов в Западно-Сибирском крае в 1934/35 г. увеличились в 3 раза, а в следующем, 1935/36 г. – еще в 1,5 раза¹⁸.

Усиление налогового прессы вызвало нарастающее сокращение численности и удельного веса единоличников. С 1 октября 1934 г. по 1 января 1935 г., по сведениям крайземуправления, количество единоличных дворов уменьшилось на 17,1%¹⁹. Краевое управление нархозучета сообщало следующие данные о численности различных категорий сельского населения на начало 1935 г.²⁰:

Сельское население (тыс. чел.)	4742,3
в том числе:	
Рабочие и служащие	
хозяйств (тыс.)	199,3
населения (тыс. чел.)	704,7
Колхозники	
хозяйств (тыс.)	633,1
населения (тыс. чел.)	2799,7
Единоличники	
хозяйств (тыс.)	289,6
населения (тыс. чел.)	1238,0

Таким образом, единоличники (в состав которых, судя по всему, попали и некооперированные кустари и ремесленники) составляли 26,1% от совокупной численности сельского населения края (колхозники – 59,1, рабочие и служащие – 14,8%).

С 1 октября 1934 г. по 1 октября 1935 г. число единоличных дворов в Западной Сибири, согласно официальным данным, снизилось в 2,1 раза, а с 1 октября 1935 г. по 1 октября 1936 г. – еще в 2,4 раза²¹. По состоянию на 1 октября 1936 г. крайземуправление зафиксировало на территории Западно-Сибирского края 58,6 тыс. семей единоличников, что составляло 7,8% от общего числа единоличных и колхозных дворов. Уровень коллективизации вырос с 67,6% (на 1 октября 1934 г.) до 92,2%. Однако этот рост происходил не столько за счет приема в колхозы новых членов, сколько за счет существенного сокращения сельского населения. Бывшие единоличники в своем большинстве не вступали в колхозы, а уходили в города и рабочие поселки. Число колхозных дворов в крае с осени 1934 г. по осень 1936 г. увеличилось всего на 56,4 тыс. или на 8,8%²². По нашим подсчетам, удельный вес единоличников в сельском населении Западно-Сибирского края к концу 1936 г. составлял 5% (колхозников – 73, рабочих и служащих – 22%).

По мере снижения количества единоличников сокращался удельный вес их хозяйств в аграрном производстве. В Западной Сибири в общей площади посева он составлял в 1934 г. 12,0%, в 1935 г. – 4,9, в 1936 г. – 0,8%. В течение 1935 г. доля единоличных дворов Западно-Сибирского края в общем поголовье лошадей снизилась с 17,2 до 4,5%, КРС – с 13,6 до 3,2% (в т.ч. коров – с 15,9 до 3,4%), овец и коз – с 9,3 до 2,2%, свиней – с 15,9 до 3,7%²³.

В 1937 г. показатели коллективизации вновь начали топтаться на месте. В Новосибирской области на 1 января 1937 г. они составляли 91,5%, на 1 апреля – 91,6, на 1 июля – 91,9, на 1 октября – 91,7, на 1 января 1938 г. – 90,5%. Количество единоличных дворов в области за это время за счет исключенных из колхозов даже выросло – с 29,5 тыс. до 32,5 тыс.²⁴ В целом по Западной Сибири их число с 1 июля 1937 г. по 1 января 1938 г. увеличилось с 59,4 тыс. до 69,7 тыс.²⁵ Оставшиеся единоличники в очередной раз смогли приспособиться к сложившимся политико-экономическим условиям, а местные власти несколько снизили давление на них, вновь переключившись на колхозников.

Но относительная передышка была недолгой. Лидеры большевистского режима расценили замедление темпов коллективизации как совершенно недопустимое и потребовали перейти к окончательному штурму единоличного сектора экономики советской деревни. В апреле 1938 г. на места было дано указание об активизации борьбы с недоимочностью единоличных дворов по государственным налогам и повинностям, а в августе Верховный Совет СССР ввел особый налог на лошадей, принадлежащих единоличникам. Летом 1939 г. власти провели кампанию по экспроприации у них "излишков" земли, законодательно ограничив размеры землепользования

единоличных хозяйств²⁶. Осенью того же года значительно увеличились ставки сельхозналога. Указанные меры привели к сокращению количества единоличных дворов. Современница коллективизации жительница с. Плотниково Новосибирского района П.П. Логинова вспоминает об этом так: "И последних единоличников налогами задушили... Потом человеку уже некуда было деваться. Поле где-то далеко, далеко в логах давали. Невыносимо было и он шел в колхоз, подавал заявление. Никогда никто по согласию не шел. Человек привык всю жизнь сам по себе жить. Потом и старики уже в колхоз вошли. А то все не хотели: "Не пойдем в ад!" А деваться уже некуда было"²⁷. По данным налогового учета, число единоличных хозяйств в Алтайском крае составляло в 1938 г. 16,7 тыс., в 1939 г. – 7,5, в 1940 г. – 5,5, в 1941 г. – 4,0 тыс., в Новосибирской области — соответственно 40,2, 15,0, 11,1 и 9,3 тыс. К 1 июля 1940 г. уровень коллективизации в Омской области вырос до 98,7%, в Алтайском крае – до 98,4, в Новосибирской области – до 96,3%²⁸.

По переписи населения 1939 г., доля единоличников в сельском населении Западной Сибири составляла 1,7% (колхозников – 61,2, рабочих и служащих – 34,7%)²⁹. На единоличный сектор экономики в 1940 г. в целом по региону приходилось 0,1% посевных площадей, 0,4 – поголовья КРС, 0,5 – коров, 0,3 – лошадей, 0,3 – овец и коз, 0,4% – свиней³⁰.

Размеры дворохозяйства (демографическая составляющая). Крестьянское дворохозяйство принадлежит семье и обрабатывается полностью или в основном совокупным трудом ее членов. Поэтому понятия "хозяйство", "двор", "семья" имеют высокую степень тождества. Но ни в традиционном, ни тем более в капитализирующемся крестьянском обществе абсолютного равенства между ними не существует. Во-первых, в состав двора могли включаться не связанные семейными узами с дворообразующей семьей одиночки (постоянно проживающие в нем батраки, дальние родственники, лишенные своей семьи и др.). Полноправными членами дворохозяйства таковые, даже будучи родственниками, не являлись. Во-вторых, крестьяне использовали в своих хозяйствах имеющий преимущественно вспомогательный характер наемный труд со стороны.

Использование наемной рабочей силы, а также наличие в хозяйстве неполноправных родственников, которые в соответствии с неписаными и писаными нормами советского права квалифицировались как батраки, в конце 1920-х – 1930-е гг. могло послужить основанием для отнесения такого хозяйства в категорию кулацких со всеми вытекающими отсюда последствиями. Естественно, что единоличники

отказывались даже в случае необходимости от найма и стремились избавиться от включенных членов двора. В связи с этим тождество между единоличным хозяйством и семьей стало практически абсолютным.

Отказ от использования найма и отсутствие в дворохозяйствах включенных членов свидетельствуют о наличии в крестьянском обществе кризисных явлений, но не относятся к признакам его раскрестьянивания, поскольку не затрагивают основной родовой черты крестьянства – зависимости состоятельности отдельного хозяйства от размеров и состава дворообразующей семьи.

Малолюдное крестьянское хозяйство, как правило, являлось маломощным, а многолюдное – более зажиточным. Отсюда стремление крестьян к рождению и воспитанию большого количества детей – потенциальных помощников и работников, гарантирующих возможность будущего повышения уровня состоятельности. Высокий уровень рождаемости в сочетании с достаточно высоким уровнем смертности формировал традиционную для крестьянства возрастную структуру с высокой долей детей и низкой долей пожилых и стариков. В традиционной семейной структуре крестьянства преобладали большие семьи. Увеличение удельного веса менее людных семей отражало ухудшение социально-экономического положения крестьянства. Снижение же степени взаимосвязи размеров семьи с ее состоятельностью знаменует собой процесс раскрестьянивания.

В Сибири сокращение людности крестьянского семейного дворохозяйства началось во время первой мировой войны и продолжилось в годы нэпа. По материалам сельскохозяйственной статистики, на одно крестьянское хозяйство в территориальных рамках Сибирского края в среднем приходилось 6,0 чел. в 1916 г., 5,69 чел. – в 1922 г., 5,49 чел. – в 1927 г. (см. Приложение № 1). Вначале это было связано с последствиями войны, а затем – с аграрной политикой большевистского режима. Экономическое и психологическое давление на зажиточные, а, следовательно, многолюдные хозяйства стимулировало увеличение количества разделов. В конце 1920-х гг. число разделов, а, значит, и процесс дробления крестьянских хозяйств усилился. По данным сельскохозяйственной статистики, средняя людность крестьянского хозяйства Сибирского края в 1928 г. составляла 5,47 чел., в 1929 г. – 5,34 чел. (по данным налоговой статистики, – соответственно 5,29 и 5,15 чел.).

Согласно материалам налогового учета, средние размеры единоличной семьи в Западно-Сибирском крае в период с 1930 по 1936 г. изменялись следующим образом (чел.):

1930 г. — 4,97	1934 г. — 4,58/4,57*
1931 г. — 4,54	1935 г. — 4,32
1932 г. — 4,56	1936 г. — 4,01
1933 г. — 4,21	

Общая направленность изменений вполне очевидна, хотя их темпы в отдельные годы различались. Наиболее существенное снижение показателей людности произошло с 1930 на 1931 г., с 1932 на 1933 г. и с 1935 на 1936 г. Напротив, с 1931 на 1932 г. наблюдалась их стабилизация, а с 1933 на 1934 г. – даже некоторый рост, связанный с относительным улучшением политического и экономического положения единоличного крестьянства. Главной причиной сокращения размера семей было их дробление. В ряде случаев, как и в годы нэпа, оно отвечало задачам снижения тяжести налогообложения и даже могло иметь фиктивный характер. Однако гораздо чаще раздел вызывался конфликтом поколений. Старшие члены предпочитали оставаться единоличниками, а несогласные с ними молодые вместе со своими семьями выходили из материнского хозяйства и вступали в колхозы. Достаточно распространенным был и переезд (бегство) части членов семьи (прежде всего молодых) на другое место жительства. Людность хозяйства зависела и от уровня смертности, резко возрастающего в голодные годы.

Интересные результаты дает сравнение средних размеров семей единоличников с людностью колхозных дворов, которая, по данным налогового учета, изменялась следующим образом (чел.)³¹:

1930 г. — 4,21	1934 г. — 4,87/4,95
1931 г. — 4,34	1935 г. — 4,74
1932 г. — 4,48	1936 г. — 4,60
1933 г. — 4,73	

На первом этапе коллективизации единоличная семья была существенно больше колхозной. В колхозы шли в первую очередь менее состоятельные, а, следовательно, менее людные семьи. Однако по мере увеличения уровня коллективизации деревни разница сокращается, и уже в 1933 г. колхозный двор по своим размерам превзошел единоличный.

---

* Примечание автора: здесь и далее в тексте раздела и в таблицах в числителе приводятся данные по Западно-Сибирскому краю до передачи из его состава осенью 1934 г. ряда районов в Омскую область и Красноярский край, а в знаменателе – в новых границах края.

После 1936 г. налоговая статистика перестала фиксировать количество едоков в колхозных и единоличных хозяйствах. Тем не менее данные налогового учета в сочетании с другими источниками позволяют с полным основанием утверждать, что процесс сокращения средней численности единоличной семьи во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг. ускорился. Так, удельный вес дворов, освобожденных от уплаты сельхозналога ввиду преклонного возраста всех их членов (от 60 лет и старше), в Новосибирской области в 1937 г. составлял 14,6%, в 1938 г. – 24,8% от общего числа единоличных хозяйств.

По нашим подсчетам, в основу которых положены материалы Всесоюзной переписи населения 1939 г. и данные земельных органов о количестве хозяйств единоличников³², средняя людность единоличного двора в Западной Сибири в начале 1939 г. составляла 3,27 чел. Колхозный двор в это время в среднем состоял из 4,55 чел.³³

Перепись 1939 г. зафиксировала следующий возрастной состав занятого населения обоих полов у колхозников и единоличников Западной Сибири (%)³⁴:

	колхозники	единоличники
до 14 лет	1,7	1,1
15–19 лет	15,1	7,3
20–29 лет	25,7	10,4
30–39 лет	24,8	12,3
40–49 лет	15,5	11,8
50–59 лет	9,7	15,6
60 лет и старше	7,5	41,5

Если возрастная структура занятого колхозного населения в целом тождественна традиционной возрастной структуре самостоятельного крестьянского населения, то возрастная структура занятых единоличников от последней отличалась самым кардинальным образом. Более 40% единоличников, отнесенных к категории занятых, составляли лица старше 60 лет. Именно они формировали наиболее малочисленные дворы, которые представляли собой осколки некогда многолюдных семей и состояли, как правило, из двух пожилых крестьян, ни под какими предлогами не желающих вступать в колхозы. Соответственно от традиционной крестьянской отличалась и возрастная структура всего единоличного населения. Если первую можно изобразить графически в виде треугольника с широким основанием (дети) и острой вершиной (старики), то вторую – перевернутого треугольника с острой вершиной внизу (дети) и широким основанием вверх (старики).

В 1939–1941 гг. снижение людности единоличных дворов и увеличение в их населении удельного веса лиц старше трудоспособного возраста продолжились. В 1939 г. в Новосибирской области от уплаты сельхозналога в связи с преклонным возрастом их членов освободили 44,1%, в 1940 г. – 56,8, а в 1941 г. – 60,8% хозяйств единоличников. В Алтайском крае в 1939 г. от обложения было полностью освобождено 46,0%, в 1940 г. – 60,2% единоличных дворов. В итоге наиболее распространенным типом единоличного двора становится такой, который состоял из двух пожилых и вследствие этого нетрудоспособных членов, не способных вести крестьянское хозяйство.

Размеры дворохозяйства (экономическая составляющая), социальная мобильность. Советские историки-аграрники очень осторожно, а в ряде случаев негативно относились к определению средних показателей экономической состоятельности крестьянских хозяйств. Эта традиция была заложена еще В.И. Лениным, который заявлял, что "общие и огульные "средние" имеют совершенно фиктивное значение", так как ведут к затушевыванию процесса капиталистического разложения деревни³⁵. По нашему мнению, подобные показатели могут служить одним из инструментов выявления основных направлений социальной мобильности сельского населения³⁶. Кроме того, в условиях нивелировки крестьянства, т.е. значительного увеличения удельного веса одной из социально-имущественных групп за счет других, абстрактное среднеарифметическое хозяйство становится типичным, поскольку абсолютное большинство проживающих в деревне крестьян мало чем отличается друг от друга по степени своей состоятельности. Поэтому для нивелированного крестьянства установление средних размеров хозяйства начинает выполнять функции выявления реальной картины его экономической жизни.

В начале 1920-х гг. аграрная политика большевистского режима вызвала кризис сельского хозяйства Сибири. Произошло массовое обеднячивание деревни. Восстановление аграрного производства в регионе началось лишь с 1923 г. Преобладающим направлением социальной мобильности крестьянства становится общее движение вверх – переход из менее состоятельных имущественных групп в более состоятельные. Однако применяемый властью экономический и политический прессинг по отношению к наиболее зажиточным жителям деревни препятствовал расширению размеров хозяйств, росту их товарности, приводил к нивелировке деревни на среднем уровне, а в конечном счете – неустойчивости сельского хозяйства. В итоге с середины 1920-х гг. темпы роста состоятельности сибирских крестьян, а

соответственно и темпы развития аграрного производства в регионе снижаются.

С 1928 г. крестьяне, официально относимые в разряд кулаков, начинают сокращать размеры своих хозяйств. Однако этот процесс первоначально компенсировался за счет продолжающегося перехода в более состоятельные имущественные группы основной массы бедняков и середняков. В 1929 г. переход середняцких хозяйств в категорию кулацких прекращается, а абсолютное большинство последних существенно снижает свою состоятельность. Нивелировка деревни усиливается. Показателем нарастания кризисных явлений было снижение обеспеченности сибирских крестьян скотом. По данным весенних гнездовых сельскохозяйственных переписей, в 1928 г. на одно крестьянское хозяйство в регионе в среднем приходилось 2,83 лошади (в т.ч. 1,94 рабочих), 4,63 голов КРС (в т.ч. 2,13 коров), 8,64 овец и коз, 1,49 свиней, а в 1929 г. – соответственно 2,63 (1,81), 4,04 (1,85), 8,20 и 1,13 голов (см. Приложение № 1). Данная тенденция подтверждается и материалами налогового учета (см. табл.1).

Таблица 1

Единоличное крестьянское хозяйство Сибирского края в 1928 и 1929 гг.*

Год	Число хозяйств, тыс.	На одно хозяйство приходится				
		посева, га	рабочего скота, голов	КРС, голов	овец и коз, голов	свиней, голов
1928	1474,1	5,05	2,09	1,64	4,82	0,74
1929	1542,7	5,07	1,64	1,60	4,31	0,69

*Рассчитано по данным налогового учета.

После перехода к сплошной коллективизации в сибирской деревне произошли существенные социальные сдвиги. Прежде всего, разорились (были экспропрированы или "самораскулачились") хозяйства, официально относимые к кулацким. Но и остальные социальные группы деревни, не вошедшие в колхозы, существенно сократили размеры своих хозяйств. Исключение не составляла и беднота, которую так же, как и остальных крестьян, охватила массовая "эпидемия" забоя скота. Результатом первого этапа коллективизации стало обеднячивание единоличного крестьянства, его нивелировка на значительно более низком имущественном уровне, чем средний в предыдущий период. По данным налоговой статистики, в территориальных рамках Западно-Сибирского края средняя

обеспеченность единоличных хозяйств посевом в 1930 г. составляла 58,2%, рабочим скотом – 81,9, крупным рогатым скотом – 50,7, овцами и козами – 60,4% от уровня предыдущего года (табл.2).

Таблица 2
Единоличное крестьянское хозяйство Западно-Сибирского края в 1929–1934 гг.*

Год	Число хозяйств, тыс.	На одно хозяйство приходится			
		посева, га	рабочего скота, голов	КРС, голов	овец и коз, голов
1929	1314,1	5,02	1,55	2,72	4,54
1930	1139,1	2,92	1,27	1,38	2,74
1931	696,7	2,23	1,02	0,95	1,41
1932	451,5	1,04	0,67	0,52	0,53
1933	395,4	1,93	0,59	0,45	0,35
1934	407,0	2,01	0,60	0,55	0,50

*Рассчитано по данным налогового учета.

В 1930 г. на одно единоличное хозяйство приходилось 2,92 га посева, 1,27 голов рабочего скота, 1,38 голов КРС и 2,74 овец и коз. Эти показатели уступали самым низким средним показателям начала 1920-х гг.: 3,81 га посева (1922 г.), 1,94 рабочих лошадей (1923 г.), 3,10 голов КРС (1923 г.), 1,58 коров (1922 г.), 3,88 овец и коз (1921 г.) (см. Приложение № 1). Если брать нэповские критерии определения социального статуса крестьянина, то среднестатистического единоличника начального этапа коллективизации можно с полным основанием считать бедняком (см. табл.2 и 3). Средняя обеспеченность бедняцкого двора в 1927 г. в юго-западных округах Сибирского края (по материалам гнездовой переписи) составляла 3,0 га посева, 0,9 голов рабочих лошадей, 1,1 голов коров. Даже учитывая определенную несопоставимость территориальных рамок и натуральных показателей, сравнение вышеприведенных данных дает реальную картину социальных изменений в сибирской деревне. По нашим оценкам, единоличный двор 1930 г. превосходил бедняцкий 1927 г. лишь по количеству рабочего скота, но не дотягивал по этому показателю даже до уровня низшей категории середняков.

Таблица 3
Социальная дифференциация крестьянских хозяйств юго-западных округов Сибирского края в 1927 г.*

Категория хозяйства	Доля в общем количес- тве крестьян- ских хозяйств, %	На одно хозяйство приходится		
		посева, га	рабочих лошаде й, голов	коров, голов
"Пролетариат" (батраки)	9,8	1,76	0,44	0,70
"Полупролетариат" (бедняки)	20,2	2,83	0,86	1,12
"Простые товаропроизводители" (середняки)	62,3	7,04	2,20	2,49
в т.ч.:				
1. "ниже среднего"***	18,6	4,49	1,48	1,56
2. "средние"	29,0	6,86	2,19	2,39
3. "выше среднего" (зажиточные середняки)	14,7	10,62	3,14	3,85
"Мелкокапиталистические товаропроизводители" (кулаки)	7,7	13,25	3,45	3,87

*Рассчитано по данным гнездовой динамической переписи: Сибирский край. Стат. справочник. Новосибирск, 1930. С.235.

**Обработчики сибирских материалов гнездовой динамической переписи 1927 г. к первой группе середняков относили хозяйства со средствами производства стоимостью менее 400 руб., ко второй – от 401 до 800 руб. и к третьей – от 801 рубля и более. – См.: Сибирский край. С.213.

Наибольшие потери понесли крестьяне округов, пострадавших в 1929 г. от неурожая, имевших в марте 1930 г. самый высокий процент коллективизации и наибольший удельный вес коммун в общем числе колхозов. Так, в одном из них – Барнаульском, который в предыдущем году перенес засуху и имел четвертое место в крае как по уровню коллективизации (61,8%), так и по доле коммун (61,4%), среднедушевые показатели площади посева в индивидуальном секторе снизились в 1,7 раза (в целом по Сибирскому краю – в 1,4, по Юго-Западной Сибири – в 1,5 раза). На одно единоличное хозяйство в 1930 г. в округе приходилась одна голова рабочего скота и одна – продуктивного³⁷.

В 1931 г. обеднячивание единоличного крестьянства Западной Сибири продолжилось, хотя его темпы несколько снизились. В 1932 г., напротив, произошел настоящий обвал. По сравнению с 1931 г.

обеспеченность хозяйства посевом сократилась в 2,1, рабочим скотом – в 1,5, КРС – в 1,8, овцами и козами – в 2,7 раза. Состоятельность единоличников по большинству показателей упала до уровня пролетарских слоев нэповской деревни (см. табл.2, 3). Исключение по-прежнему составляли лишь лошади. Во-первых, они не изымались по мясоставкам, а во-вторых, производственные возможности крестьянского хозяйства в первую очередь зависели от наличия рабочего скота. В.П. Данилов справедливо отмечал: "Крестьянин, не имевший рабочего скота, утрачивал возможность своими силами вести семейно-индивидуальное хозяйство, начинал терять черты мелкого самостоятельного производителя – "раскрестьянивался"³⁸. Кроме того, лошадь позволяла сибирскому крестьянину найти заработок на стороне (перевозка пассажиров, грузов, работа на строительстве промышленных объектов, лесоразработках и т.п.) и тем самым не дать своим близким погибнуть от голода. Именно поэтому крестьяне, изгнанные из колхозов, в первую очередь стремились обзавестись лошадью, не останавливаясь перед продажей единственной коровы. Вступающие в колхозы единоличники, наоборот, продавали лошадь и покупали корову³⁹. В целом же социальную мобильность единоличного крестьянства в 1932 г. можно определить уже не как обеднячивание, а как начавшееся его обнищание (пауперизацию).

Налоговый учет 1933 г. зафиксировал действие разнонаправленных тенденций. С одной стороны, в 1,9 раз возросла средняя обеспеченность единоличного хозяйства посевом. На это повлияло предоставление государством семенной ссуды с целью преодоления последствий массового голода. В период весновспашки взаимопомощь между единоличниками или даже непосредственную помощь им живым и мертвым инвентарем стали организовывать сельсоветы. Более определенными стали обязательства по сдаче государству хлеба⁴⁰. С другой стороны, обеспеченность скотом продолжала, хотя и не столь быстрыми темпами, снижаться. Это объясняется большей силой инерции развития животноводства по сравнению с растениеводством.

В 1934 г. неблагоприятные тенденции были преодолены и в скотоводстве. Средние размеры хозяйств крестьян-единоличников увеличились по всем параметрам. При этом росли не только относительные, но и абсолютные величины. Посевные площади в единоличном секторе сельского хозяйства Западно-Сибирского края увеличились на 7%, поголовье КРС – на 29, овец и коз – на 20%⁴¹. Социальная мобильность единоличного крестьянства сменила свой общий вектор и приобрела в целом положительную динамику.

В конце 1934 г. ситуация вновь резко изменилась. Под давлением существенно возросшего налогового пресса те единоличники, которые не вступили в колхозы или не бежали из деревни, стали разоряться. Правда, в 1935 г. средние размеры посева в расчете на один единоличный двор несколько увеличились (см. табл.4). Но это было результатом проведения весенней посевной кампании этого года, в ходе которой к не выполняющим посевных планов применялись жесткие санкции вплоть до высылки в места спецпоселения. В следующем, 1936 г. все встало на свои места. Снизилась не только обеспеченность западносибирских единоличников скотом (наполовину – по рабочему скоту, почти на треть – по КРС и на две пятых – по овцам и козам), но и посевом (на 19%).

Таблица 4
Единоличное хозяйство Западно-Сибирского края в 1934–1936 гг.*

Год	Число хозяйств, тыс.	На одно хозяйство приходится			
		посева, га	рабочего скота**, голов	КРС, голов	овец и коз, голов
1934	314,6	1,99	0,60	0,55	0,48
1935	159,0	2,12	0,39	0,40	0,35
1936	61,2	1,72	0,20	0,28	0,21

*Рассчитано по данным налогового учета.

**До 1934 г. учитывались лошади старше 4-х лет, а с 1935 г. – старше 3-х лет.

В 1937–1938 гг. падение размеров посевной площади в единоличном секторе экономики ускорилось. В Новосибирской области, по данным налогового учета, на одно единоличное хозяйство в 1937 г. приходилось 0,74 га, в 1938 г. – 0,42 га. Однако наряду с этим выросла их средняя обеспеченность скотом (см. табл.5). Увеличилось и общее поголовье скота, принадлежащего единоличникам (см. табл.6). В территориальных рамках Алтайского края и Новосибирской области на 1 января 1937 г., по данным сельхозстатистики, им принадлежало 7626 лошадей, 22830 голов крупного рогатого скота, 13978 овец и коз, 6751 свинья, а на 1 января 1938 г. – соответственно 11032 (+45%), 38737 (+70%), 27499 (+97%) и 16536 голов (+145%)⁴².

Таблица 5
Единоличное хозяйство Алтайского края и Новосибирской области в 1938–1941 гг.*

Год	Число	На одно хозяйство приходится
-----	-------	------------------------------

	хозяйств, тыс.	посева, га	рабочего скота, голов	КРС**, голов	овец и коз, голов	свиней, голов
1938	0,45	56,9	0,29	0,44	0,38	—***
1939	0,48	22,5	0,11	0,42	0,39	0,15
1940	0,26	16,6	0,11	0,42	0,45	0,09
1941	0,23	13,3	0,10	0,49	0,55	0,07

*Рассчитано по данным налогового учета.

**С 1939 г. учитывались только коровы.

***До 1939 г. свиньи налогом не облагались и не учитывались.

Но уже в 1939 г. процесс обнищания возобновился. Особенно заметно упала обеспеченность единоличников рабочим скотом, а с 1940 г. – посевом. Средние размеры последнего в 1940–1941 гг. сравнялись с размерами не очень большого приусадебного участка. Несколько лучше обстояло дело с обеспеченностью единоличных дворов коровами, которая сначала немного снизилась, а затем вновь поднялась, превысив при этом уровень 1938 г., и мелким рогатым скотом. В целом же по большинству параметров своей имущественной состоятельности (за исключением количества рабочего скота) единоличники значительно уступали не только батракам периода нэпа, но даже колхозникам. Средняя обеспеченность облагаемого сельхозналогом колхозного двора крупным и мелким рогатым скотом превзошла аналогичные показатели единоличного двора уже в 1932 г. В 1940 г. на одно личное хозяйство колхозников Новосибирской области приходилось 0,28 га посева, 0,91 коров, 2,09 овец и коз, 0,42 свиней, Алтайского края – соответственно 0,24 га, 0,89, 2,24 и 0,20 голов⁴³.

Таблица 6

Поголовье скота в единоличных хозяйствах Алтая в 1935–1941 гг.
(на 1 января)*

Год	Число хозяйств	Крупный рогатый скот, голов		Овцы и козы, голов	Свиньи, голов	Лошади, голов
		всего	в т.ч. коровы			
1935	106345	71142	36875	39410	15594	44328
1936	48919	25061	12658	12304	7698	10519
1937	24234	8902	4648	4047	1713	2480
1938	22200	15031	7462	8508	4208	4051
1940	8369	4221	2439	3123	1324	520
1941	6245	2630	1865	2636	120	504

*Материалы учета и переписей скота: ЦХАФАК, ф.Р-569, оп.1, д.362, л.25, 40; ф.Р-718, оп.1, д.15, л.8; оп.18, д.1906, л.8. Учитывался скот всех возрастов. Сведения приводятся в довоенных границах Алтайского края.

Имущественное расслоение. Имущественная дифференциация (различия отдельных хозяйств по количеству обрабатываемой земли, рабочего, продуктивного скота и т.п.) является характерным для крестьянства как класса социальным явлением, которое во многом детерминировано демографической дифференциацией (различиями в размерах и составе семей). При этом крестьянское семейное дворохозяйство вероятностным образом проходит ряд этапов эволюции. Молодая семья, состоящая из мужа, жены и малолетних детей, относительно бедная. По мере вовлечения в трудовую деятельность детей происходит наращивание ее состоятельности. Женитьба сыновей и появление нескольких молодых семей в составе материнского хозяйства чаще всего приводят к его превращению в зажиточное. Раздел означает возникновение новых, значительно менее состоятельных хозяйств. Таким образом, как бедность, так и зажиточность можно рассматривать имманентно присущими крестьянскому хозяйству этапами его саморазвития.

Под влиянием рыночных отношений обычное для любого крестьянского сообщества имущественное расслоение усиливается, приобретает более ярко выраженный социальный характер и в конечном итоге может привести к разложению крестьянства на классовые группы сельской буржуазии и сельского пролетариата (капиталистическое раскрестьянивание). Свертывание рыночных отношений как следствие социально-политических катаклизмов (войн, революций) или соответствующей политики государства вызывает натурализацию крестьянских хозяйств и уменьшение имущественной разницы между ними. Кроме того, к снижению поляризации деревни может привести уравнивательная земельная реформа или жесткий экономический прессинг со стороны государства по отношению к зажиточным слоям сельского населения. Однако выпадение из социальной структуры крестьянства его зажиточных групп несет за собой существенные хозяйственные и социокультурные издержки. Сведение различий в состоятельности крестьянских дворов к минимуму при общем их обнищании – пауперизация – представляет собой один из видов раскрестьянивания деревни.

Глубину (степень) имущественного расслоения можно измерить разницей в состоятельности низших и высших групп крестьянства. Но прежде, чем проводить подобную операцию, необходимо распределить крестьян по имущественным группам. И в начале XX в., и в период нэпа

как сами российские и сибирские крестьяне, так и отечественные эксперты-аналитики из всего многообразия имущественных состояний вычленили несколько типов дворохозяйств, отличающихся друг от друга по количественным и качественным (социально-экономическим и социокультурным) параметрам. Чаще всего внутри крестьянства видели три группы – бедняков, середняков и кулаков (зажиточных), хотя нередким было и более дробное членение (особенно на уровне статистического анализа). В каждой деревне существовали свои мерки отнесения хозяйства к тому или иному типу. Аналитики же пытались разработать критерии общие если не для всей страны, то для ее отдельных, достаточно крупных регионов. Зависели эти критерии от политической (научной) ориентации специалиста или чиновника, такую цель перед собой поставившего.

До 1926 г. они группировали крестьян в основном по натуральным признакам – размеру посева, поголовью рабочего и продуктивного скота. Подобная группировка может быть использована для измерения глубины расслоения крестьянства. Так, сокращение на юге Алтая удельного веса группы крупнопосевных хозяйств (с посевом свыше 10 дес.) с 16,2% в 1920 г. до 0,9% в 1922 г.⁴⁴ со всей очевидностью свидетельствует о значительном снижении уровня поляризации местной деревни. Однако хозяйства с идентичными или близкими натуральными параметрами не всегда имеют тождественные качественные характеристики. Это было вполне очевидным и в 1920-е гг.

Существующий в то время научный и политический заказ попытался реализовать В.С. Немчинов, который выделял социально-классовые группы сельского населения на основе стоимости средств производства в расчете на один двор в сочетании с рядом т.н. социальных признаков (найм – отпуск рабочей силы, аренда). С 1927 г. данная методика была принята на вооружение советской статистикой. При этом официальное признание В.С. Немчинов получил не столько за сам метод группировки, сколько за ее результаты, которые полностью отвечали позиции правящей верхушки в ее споре с оппонентами как справа, так и слева.

Обработанная по данной методике весенняя гнездовая динамическая перепись крестьянских хозяйств 1927 г. применительно к юго-западным округам Сибирского края дала следующие результаты: 9,8% дворов было отнесено к "пролетарским" (батрацким), 20,2 – к "полупролетарским" (бедняцким), 62,3 – к хозяйствам "простых товаропроизводителей" (середняцким) и 7,7% – к "мелкокапиталистическим" (кулацким). Средняков, в свою очередь, разделили на три группы – низшую, среднюю и высшую. Удельный вес

этих групп составлял соответственно 18,6, 29,0 и 14,7% от общего числа крестьянских хозяйств (см. табл.3).

При всей идеологической заданности этих результатов иными мы не располагаем и поэтому вынуждены пользоваться тем, что есть. Кроме того, натуральные показатели, рассчитанные на одно хозяйство того или иного социального типа, можно использовать как инструментальный при сравнительном анализе степени имущественной дифференциации крестьянства в период нэпа и в начале 1930-х гг. Выше подобный прием мы уже применяли.

При этом следует иметь в виду отмеченное выше обстоятельство. В 1930-е гг. сельскохозяйственных переписей крестьянских хозяйств не проводилось. В силу этого в литературе и аналитических документах того времени отсутствуют основанные на солидной статистической базе группировки единоличных дворов по социальным и натуральным признакам. И в данном случае единственным заменителем сельхозстатистики может стать все тот же налоговый учет. Тем более, что налоговики занимались группировкой единоличников, но в основе их группировок лежали не натуральные показатели или стоимость средств производства, а годовая доходность хозяйства, способы получения дохода и различия в методах исчисления налога.

В конце 1920-х гг. налоговые органы разделяли крестьян на три основные группы: трудовые, освобожденные от уплаты сельхозналога по маломощности (беднота); трудовые, уплачивающие налог в общем порядке (средняки); облагаемые в индивидуальном порядке (кулаки). Во второй группе особо выделяли наиболее зажиточные дворы, не имевшие т.н. нетрудовых доходов. Их облагали по той же методике, что и трудовые хозяйства, но доходы от сельхозпроизводства, рассчитанные по обычным нормам, увеличивались у них на определенный процент (процентные надбавки). Условно эту группу можно соотносить с выделяемой сельскохозяйственной статистикой высшей группой середняков (зажиточными середняками). Что же касается облагаемых в индивидуальном порядке кулаков, то эта группа состояла из "хозяйств, особо выделяющихся из общей крестьянской массы в данной местности своей доходностью и притом нетрудовым характером своих доходов"⁴⁵. К нетрудовым прежде всего относились систематически получаемые доходы от найма рабочей силы, аренды земли, сдачи в наем сельхозмашин, скупки-продажи сельхозпродуктов⁴⁶.

В 1929/30 окладном году на территории будущего Западно-Сибирского края как кулаки облагались 3,7% крестьянских дворов, как трудовые хозяйства – 60,5%. Остальные 36% дворов были освобождены от уплаты налога по маломощности. В 1930 г., несмотря на кардинальные изменения социально-экономического положения в

деревне, методика обложения сельхозналогом не изменилась. В Западно-Сибирском крае от уплаты сельхозналога было освобождено 34,7% дворов, в общем порядке облагалось 62,9, с процентными надбавками – 1,9 и в индивидуальном порядке – 0,46% дворов, оставшихся единоличными⁴⁷. Уровень состоятельности указанных групп единоличных хозяйств показан в табл.7.

Если сравнить уровень имущественной состоятельности категорий, указанных в табл.7, и социальных групп, выделяемых в материалах гнездовой переписи 1927 г. (см. табл.3), то можно крестьян, освобожденных от уплаты сельхозналога, соотнести с беднотой, облагаемых в общем порядке – с низшей стратой середняков, облагаемых с процентной надбавкой – со средней стратой середняков. По имущественным показателям с низшей стратой середняков сравнимы и налогоплательщики, облагаемые в индивидуальном порядке (т.н. кулаки). Данное соотнесение в сочетании с определением изменений удельного веса той или иной социальной группы позволяет сделать вывод о том, что в 1930 г. из социальной структуры западносибирской деревни выпали две высшие группы – кулаков и зажиточных середняков. Размеры некогда самой большой и в абсолютных и в относительных величинах страты "средних" середняков были сведены к минимуму, а самой многочисленной стала страта "низших" середняков.

Таблица 7

Имущественная дифференциация единоличных крестьянских хозяйств Западно-Сибирского края в 1930 г.*

Категория хозяйства	Доля в общем количестве крестьянских хозяйств, %	Людность двора, чел.	На одно хозяйство приходится		
			посев а, га	рабочего скота, голов	КРС, голов
Освобожденные от уплаты сельхозналога	34,7	4,22	1,39	0,79	0,94

Облагаемые в общем порядке	62,9	5,28	3,72	1,53	1,54
Облагаемые с процентными надбавками	1,9	7,14	6,65	2,24	2,14
Облагаемые в индивидуальном порядке	0,5	5,64	3,01	1,38	1,31

*Рассчитано по данным налогового учета.

Возвращаясь к категории крестьянских хозяйств, облагаемых в индивидуальном порядке, следует отметить, что средний уровень их состоятельности был ниже, чем у крестьян, облагаемых в общем порядке, и примерно соответствовал среднему уровню всех единоличников, вместе взятых, включая и освобожденных от сельхозналога. Так, на один единоличный двор приходилось 2,92 га посева, 1,27 рабочих лошадей и 1,38 голов КРС (табл.2), а на один облагаемый в индивидуальном порядке – соответственно 3,01 га, 1,38 и 1,31 голов. Значительной была лишь разница в размерах неземледельческих заработков – 33 и 116 руб.⁴⁸ Эти показатели явились результатом того, что в индивидуальном порядке в 1930 г. облагались не зажиточные хозяйства, систематически прибегающие к найму, аренде и т.п., коих в западносибирской деревне не осталось, а либо разорившиеся семьи бывших кулаков, либо дворы, имевшие относительно высокий размер неземледельческих доходов. В дальнейшем подобная практика сохранилась, и состоятельность единоличников, облагаемых индивидуально, ненамного отличалась от уровня состоятельности среднестатистического единоличного хозяйства. Само же т.н. кулачество составляло ничтожную часть в составе единоличного крестьянства⁴⁹.

В 1931 окладном году в индивидуальном порядке обложили 1,9%, в общем порядке – 75,1 и освободили от уплаты сельхозналога 23,0% единоличных дворов; в 1932 г. – соответственно 0,3, 88,2 и 11,5%; в 1933 г. – 0,8, 91,4 и 7,8%. При этом крестьяне, облагаемые индивидуально, официально продолжали считаться кулаками, облагаемые в общем порядке – середняками и освобожденные от обложения – бедняками. Если исходить из подобного подхода, то в 1931 г. началось осереднячивание деревни, и уже в 1932 г. к середняцким относилось 9/10 единоличных хозяйств. В действительности же ситуация была прямо противоположной – происходило дальнейшее обеднячивание единоличного крестьянства.

Подобная коллизия объясняется тем, что количество освобожденных от налогообложения крестьян в СССР зависело не от колебаний их доходности, а от политической конъюнктуры. В 1930 г., так же как и в конце 1920-х гг., местным властям в директивном порядке надлежало освободить от уплаты сельхозналога не менее трети крестьянских дворов, и в эту треть входила практически вся деревенская беднота. В 1931 г. установка изменилась. В целях стимулирования коллективизации лимит был снижен примерно до четверти, а затем и до одной десятой. В связи с этим примененное нами выше условное соотнесение социальных групп крестьянства, выделяемых сельхозстатистикой конца 1920-х гг., с группами налогоплательщиков для периода, начавшегося с 1931 г., становится абсолютно некорректным. Для выявления основных тенденций социально-имущественной дифференциации единоличников требуется использование иных приемов.

Таким приемом может стать группировка единоличных дворов по обеспеченности рабочими лошадьми и крупным рогатым скотом. В налоговых сводках такая группировка отсутствует. Там указывается лишь количество учтенного скота, достигшего облагаемого возраста, и соответственно общее число единоличных хозяйств. Однако этой информации для реализации поставленной задачи вполне достаточно.

С 1932 г. удельный вес дворов, обладающих двумя и более головами рабочего или продуктивного скота, был сведен к минимуму, и количество коров и лошадей фактически сравнялось с числом хозяйств, ими располагавшими⁵⁰. И дело здесь не только в ограниченных возможностях для наращивания поголовья. Единоличники не стремились иметь в своем хозяйстве более одной головы скота. Согласно существовавшему законодательству ее могли конфисковать в счет погашения недоимок и задолженностей по государственным денежным и натуральным обязательствам. Единственную же лошадь или корову у крестьянина, если он не считался кулаком, отбирать категорически запрещалось⁵¹. Секретарь Иконниковского райкома ВКП(б) Косых в докладной записке на имя секретаря крайкома Р.И. Эйхе в этой связи сетовал: "По расширению своего хозяйства он не идет, имеет лошадь и корову, другого ничего из живности, знает, что у него за несдачу мясопоставок отберут, а последнюю лошадь и корову не возьмут. Так и есть на самом деле, если мы отберем судом лошадь или корову, краевой суд и прокуратура не утвердят это решение, а обяжут возвратить обратно..."⁵²

Исходя из этого, дифференциацию единоличников как по обеспеченности рабочими лошадьми, так и по обеспеченности КРС облагаемого возраста можно свести к наличию лишь двух

имущественных групп: 1) не имеющих скота того или иного вида и 2) имеющих одну голову. При этом число дворов, входящих во вторую группу, будет равно количеству зафиксированного налоговым учетом скота. Рассчитанный по данной методике удельный вес единоличных дворов, не располагающих лошадьми и КРС⁵³, в Западно-Сибирском крае в 1932–1936 гг. составлял (%):

	без лошадей	без КРС
1932 г.	33	48
1933 г.	41	55
1934 г.	40/40	45/45
1935 г.	61	60
1936 г.	80	72

Аналогичный подсчет по Алтайскому краю и Новосибирской области применительно к периоду 1938–1941 гг. дает следующие результаты (%):

	без лошадей	без коров
1938 г.	71	56
1939 г.	89	58
1940 г.	89	58
1941 г.	90	51

Приведенные данные достаточно отчетливо показывают основные тенденции динамики имущественной дифференциации единоличного крестьянства. Уже в 1932 г. доля безлошадных и бескоровных дворов многократно превосходила самые низкие показатели 1920-х гг.⁵⁴ и в дальнейшем увеличилась еще больше. Продолжая комментарий наших расчетов, следует отметить еще два обстоятельства, имеющих принципиальное значение:

1. В 1932–1935 гг. бескоровных дворов было больше, чем безлошадных. Во второй половине 1930-х гг. ситуация изменилась. Это свидетельствует о том, что в этот период занятие сельским хозяйством для единоличников теряет производственный и приобретает преимущественно подсобный потребительский характер.

2. Как указывалось выше, хозяйство, теряющее рабочую лошадь, фактически переставало быть крестьянским. Соответственно в 1932 г. к некрестьянским можно отнести как минимум треть, в 1934 г. – две пятых, в 1935 г. – три пятых и в конце 1930-х гг. – от семи до девяти десятых единоличных дворов.

Как абсолютное, так и относительное преобладание в деревне дворов, не имеющих рабочего скота, является надежным мериллом ее раскрестьянивания, которое произошло либо в форме

капиталистической дифференциации и превращения большинства крестьян в наемных сельскохозяйственных рабочих, либо в форме пауперизации. В традиционном крестьянском сообществе европейского типа, даже если оно в силу каких-либо причин нивелировалось на низком уровне состоятельности, удельный вес хозяйств, имеющих рабочий скот, больше, чем дворов, таким скотом не располагающих. Исходя из данной посылки, можно сделать вывод о том, что социальные процессы в единоличной деревне Западной Сибири окончательно перешли в стадию раскрестьянивания на рубеже 1934 и 1935 гг.

Последний тезис основывается не только на данных налогового учета. Проводимые в середине 1930-х гг. переписи скота зафиксировали увеличение доли дворов, вообще не имеющих никакого скота: 30,7% – в июле 1934 г., 36,3 – в начале января 1935 г., 42,6% – в июне того же года. На 1 января 1936 г. никакого скота не имело уже 59,0% единоличных дворов Западно-Сибирского края. Еще 5,8% из них располагало только мелким скотом (включая свиней). Доля дворов без КРС всех возрастов составляла 68,8%, без коров – 78,2, без овец и коз – 87,3, без свиней – 85,5%. По большинству из приведенных показателей единоличники уступали не только колхозникам, но даже проживающим в сельской местности рабочим и служащим. Среди последних никакого скота не имело 44,1%, КРС – 50,7, коров – 59,1, овец и коз – 90,5, свиней – 82,5%⁵⁵. Материалы переписей конца 1930-х гг. (январь 1938 и 1940 гг.) сведений о количестве единоличных дворов без скота не содержат.

Обеспеченность скотом используется как один из базовых критериев предлагаемой нами социально-имущественной стратификации западносибирских единоличников. Представителей первой из выделяемых по признакам имущественной состоятельности, уровню доходов и месту в общественном разделении труда страт можно назвать общепринятым термином – пауперами. Наименее состоятельную их часть составляли семьи (одиночки), не владеющие скотом. Близкое к ним положение занимали дворы, располагавшие только небольшим количеством мелкого скота (1–2 головы). Условием отнесения в категорию пауперов является отсутствие у семьи доходов от продажи сельхозпродуктов на рынке и от работы вне своего хозяйства. Поэтому мы включаем в состав пауперов и безлошадные дворы, которые имели корову, но также не получали рыночных и неземледельческих доходов. Абсолютное большинство дворов единоличников-пауперов имели только приусадебный посев. В общественном разделении труда пауперы занимали место аутсайдеров, поскольку находились как вне сферы производства, так и вне сферы

обслуживания. Их хозяйство удовлетворяло только минимальные потребительские нужды или вообще их не обеспечивало.

Слой единоличников-пауперов, главным образом, состоял из семей престарелых сельских жителей, которые ранее вели крестьянское хозяйство, в условиях коллективизации его ликвидировали, но не могли покинуть деревню и по психологическим мотивам не желали вступить в колхоз. В середине 1930-х гг. в составе пауперов особо выделялась еще более деклассированная группа. В нее входили бывшие крестьяне, преимущественно одиночки, которые в начале 1930-х гг. лишились своего хозяйства (раскулачивание или самоликвидация) или даже семьи, частично остались в деревне, но в большинстве своем были вынуждены ее покинуть (тюремное заключение, высылка, бегство в город и другие регионы), а затем вернулись обратно, в т.ч. бежав с мест спецпоселения. К этой группе относятся также беженцы от коллективизации, включая и голодобеженцев из других регионов страны, и изгнанные из колхозов "кулацкие и вредительские элементы", ранее обобщественное имущество которых не возвращалось. Автор проекта докладной записки Запсибкрайкома ВКП(б) и крайисполкома в ЦК компартии "О состоянии и мерах к дальнейшему росту коллективизации в Западной Сибири" М.А. Минеев, касаясь подобных жителей села, писал: "Эта прослойка... средства к существованию добывает из разных случайных источников, включая сюда не только случайные заработки, но и кражи, нищенство, "колосование" (сбор колосьев на полях) и т.п."⁵⁶ Данная группа единоличников была в целом немногочисленной и в ходе "Большого террора" из деревни ее "изъяли".

Кроме пауперов можно выделить еще одну социально-имущественную страту единоличников. Ее составляют дворы, непосредственно связанные со сферой производства или обслуживания и отличавшиеся относительно более высоким, чем у пауперов, уровнем состоятельности. Хозяйства, входящие в данную страту, условно можно назвать "трудовыми", естественно причисляя к ним и тех единоличников, которые облагались сельхозналогом в индивидуальном порядке, т.е. т.н. кулаков. По обеспеченности скотом они дифференцируются на три основные группы: 1) безлошадные дворы, имевшие корову, и/или от 3-х и более голов мелкого скота и/или свиноматку, продававшие произведенную продукцию на рынке и/или получавшие доходы от неземледельческих занятий; 2) бескоровные хозяйства, имевшие лошадь; 3) хозяйства, владевшие и рабочим, и продуктивным скотом (в 99% случаев одной головой и того и другого). Вторая или третья группа единоличников-трудовиков была, как правило, обеспечена полевым посевом.

Имеющиеся источники не позволяют точно определить численность и удельный вес каждой из социально-имущественных страт. Возможна лишь достаточно приблизительная оценка их количественных параметров. Так, если исходить из данных налогового учета, то доля наиболее состоятельной подгруппы единоличников, имевших одновременно и коров, и лошадей, не могла превышать в 1934 г. 55% (в Западно-Сибирском крае), в 1938 г. – 29 и в 1940 г. – 11% (в Новосибирской области и Алтайском крае вместе взятых) от общего числа единоличных дворов. В конце 1920-х гг. к таковым относилось не менее 9/10 крестьянских хозяйств региона.

Количество пауперов в конце 1920-х гг. было минимальным. С 1930 г. их удельный вес стал быстро расти. В 1933–1934 гг., по нашей оценке, к данной категории относилось уже около трети единоличных дворов. С 1935 г. в налоговых сводках стала выделяться группа единоличников, в своем большинстве состоящая из пауперов. В ней объединялись дворы, "не имеющие ни рыночных, ни неземледельческих доходов", т.е. те из них, что либо полностью жили за счет натуральных поступлений от своего хозяйства, либо получали минимальные денежные доходы от обязательных поставок сельхозпродуктов государству и их продажи в рамках кооперативного закупа, который также имел фактически обязательный характер. Это была наименее состоятельная группа западносибирских единоличников⁵⁷. И ту часть дворов из входящих в нее, которая не имела рабочего скота, следует включить в разряд пауперов. Удельный вес таких дворов в Западно-Сибирском крае составлял в 1935 г. 35,4%, в 1936 г. – 48,9, в Новосибирской области в 1937 г. – 42,3%.

Начиная с 1938 г., налоговые сводки не позволяют определить количество безлошадных в общем числе дворов без рыночных и неземледельческих заработков. Общая же доля последних в Новосибирской области составляла в 1938 г. 34,1%, в 1939 г. – 51,5, в 1940 г. – 57,7, в 1941 г. – 60,1%. В Алтайском крае в 1939 г. рыночных и неземледельческих доходов не имело 55,6, в 1941 г. – 74,7% единоличных хозяйств. При этом мы имеем основание утверждать, что после введения в 1938 г. налога на лошадей практически все дворы без рыночных и неземледельческих заработков лишились рабочего скота и их можно причислять к пауперам.

Дифференциация по виду основного занятия. Постановка вопроса о роде занятий применительно к традиционному крестьянскому обществу является некорректной. Естественно, что крестьяне заняты в аграрном производстве, которое и является основным источником их существования. Невозможно и внутриотраслевое структурирование

крестьян. Их хозяйство имеет комплексный характер. В нем представлено и земледелие, и животноводство, и домашнее ремесло. Национальная и природно-географическая специфика влияет на соотношение этих отраслей и их специализацию. Для восточнославянского крестьянства, к которому принадлежало и большинство сибирских крестьян, характерно доминирование растениеводства, его зерновая направленность. В животноводстве, имеющем подсобное значение, преобладало разведение молочно-мясного крупного рогатого скота.

Развитие рыночных отношений в сельском хозяйстве приводит к его специализации. В зависимости от межрегионального разделения труда крестьяне наращивали товарное производство того или иного вида продукции. При этом более высокий уровень товарности и соответственно специализации достигался в зажиточных хозяйствах. Менее состоятельные хозяйства имели более комплексный характер. В ряде районов в занятиях сельского населения все большее место начинали иметь промыслы, переходя в стадию т.н. оптовых ремесел. Превращение промыслов в основной источник дохода являлось одной из форм раскрестьянивания деревни. Помимо кустарей и ремесленников на селе появлялся слой профессиональных сельскохозяйственных наемных рабочих.

Аналогичные процессы происходили и в Сибири. Сооружение на рубеже XIX и XX вв. Транссибирской железнодорожной магистрали создало возможность для интеграции сельского хозяйства региона в общероссийский и мировой рынки сбыта. Крестьяне стали увеличивать товарность своих хозяйств. В крае появились районы с ярко выраженной специализацией на производстве молока (с последующей промышленной переработкой в масло), зерновых (пшеницы и овса), мяса. Развитие рыночных отношений приводило к увеличению масштабов применения наемной рабочей силы. По подсчетам Л.М. Горюшкина, в 1912 г. доля сельских годовых и сроков рабочих составляла 4% от всего крестьянского населения Сибири⁵⁸. Так называемые неземледельческие занятия (ремесло, охота, рыболовство и другие лесные промыслы, извоз, работа по найму в промышленности, строительстве, на транспорте, служба в государственных и кооперативных учреждениях и т.п.) как источник дохода имели для сибирских крестьян лишь подсобное значение.

Произошедшая в 1920-е гг. нивелировка сибирского крестьянства привела к снижению уровня специализации сельского хозяйства, которое по-прежнему оставалось главным занятием абсолютного большинства сельских жителей региона. По данным 10-процентной сельскохозяйственной переписи 1927 г., только для 5,6%

обследованных дворов на территории округов, позднее вошедших в состав Западно-Сибирского края, основной источник заработка находился вне сферы аграрного производства, что позволяет не считать их крестьянскими. Население 83,4% дворов было занято исключительно аграрным трудом, а 11,0% сочетали его с несельскохозяйственным в качестве побочного источника заработка. 3,8% обследованных дворов получали основную часть своих доходов от работы в других крестьянских хозяйствах, т.е. относились к батрацким⁵⁹. По подсчетам В.И. Быстренко, наемные сроковые рабочие в 1926–1927 гг. составляли около 2% от сельского населения Сибири⁶⁰.

Следует отметить, что до конца 1920-х гг. и в части аграрных, и в части несельскохозяйственных занятий крестьянское хозяйство в целом функционировало в рамках официальной или т.н. первой экономики. В теневую экономику переходили лишь те его сегменты, которые скрывались от государственного налогового учета.

Массовая коллективизация качественно изменила место, которое крестьяне, оставшиеся единоличниками, занимали в экономической системе. Единоличное хозяйство стало функционировать одновременно в рамках трех видов экономик. Сельскохозяйственная его составляющая, развитие которой планировалось в централизованном порядке (посевные, заготовительные и иные планы), представляла собой хотя и маргинальный, но все-таки составной элемент "первой" экономики. Неземледельческие занятия единоличников государством не планировались и имели инициативный характер. Аналогичными чертами обладала и рыночная торговля сельхозпродуктами. Лежащая в основе выбора этих занятий относительная свобода, которая в корне противоречила содержанию и духу командно-мобилизационной системы, позволяет включить их в неформальную экономику. При этом ту часть заработков, которая хотя и не иницировалась, но все-таки учитывалась, контролировалась или даже регулировалась государством, можно отнести ко "второй" экономике⁶¹, а абсолютно неучитываемую и неконтролируемую часть – к "третьей" или "черной".

В 1930-е гг. изменилось не только место единоличников в экономической системе, но и структура их занятий, а также соотношение источников дохода. Массовая коллективизация привела к падению сельхозпроизводства. Товарность крестьянского хозяйства резко снизилась. Значительная часть производимой в нем продукции стала отчуждаться в принудительном порядке по ценам, на порядок и более уступающим рыночным. Существенно ограничена была и свобода рыночной торговли. Все это привело к сокращению доходов, получаемых крестьянами от ведения сельского хозяйства, и падению их жизненного уровня. Значительная часть единоличников в связи с этим

переориентировалась с сельскохозяйственных на неземледельческие заработки. В 1930 г. удельный вес единоличных дворов, которые, по данным налогового учета, имели подобные заработки, составил в Западной Сибири 30,8%, в 1931 г. – 41,6%.

Специальное обследование зафиксировало следующую структуру денежных доходов хозяйств западносибирских единоличников, облагаемых сельхозналогом в общем порядке, которые они получили в 1931 г.⁶²:

Источник дохода	Доля в совокупном доходе, %
От сдачи сельхозпродуктов государству и кооперации	14,9
От продажи сельхозпродуктов на рынке	25,9
Неземледельческие заработки	56,8
Прочие доходы	2,4

Естественно, что часть заработков единоличников не была выявлена. При этом недоучет доходов от продажи сельхозпродуктов на рынке превышал недоучет неземледельческих заработков. Тем не менее, даже неполные данные позволяют сделать вывод о снижении для единоличников значимости "первой" экономики как источника получения денежных доходов, а также о повышении для них роли несельскохозяйственных занятий.

К середине 1930-х гг. соотношение отдельных составляющих в совокупном доходе несколько изменилось. Отмена многих ограничений на свободу рыночной торговли привела к возрастанию ее роли как источника дохода. В 1933 г., по данным налогового учета, неземледельческие занятия принесли западносибирским единоличникам 58,8 млн, а рыночная торговля – 37,8 млн руб. В 1934 г. эти показатели составили соответственно 80,5 млн и 83,0 млн руб. Увеличился и удельный вес дворов, получающих рыночные доходы. Об этом можно судить по следующим данным налоговых органов:

Категория хозяйства	Удельный вес, %	
	1933 г.	1934 г.
Без рыночных и неземледельческих доходов	51,8	44,3
С рыночными, но без неземледельческих доходов	11,4	13,9
С рыночными и неземледельческими доходами	14,5	25,2

С неземледельческими, но без рыночных доходов	22,3	16,6
--	------	------

В 1933 г. рыночные доходы имели 25,9% хозяйств, а в 1934 г. – 39,1%. Однако это не означало снижения доли единоличников с несельскохозяйственными занятиями. В 1934 г. около двух третей хозяйств с рыночными доходами одновременно получало неземледельческие заработки. Общий же удельный вес дворов с несельскохозяйственными доходами даже увеличился – с 36,8 до 41,8%. Таким образом, неземледельческие заработки по-прежнему занимали значительное место и в структуре доходов, и в структуре занятий единоличников.

Большую часть неземледельческих доходов единоличники получали от работы на лошади вне своего хозяйства. Они обслуживали личные нужды колхозников (вспашка огородов, подвоз кормов, топлива и т.п.), занимались грузовым и пассажирским извозом (в т.ч. с временным выездом в города или на места строительства индустриальных объектов), работали на торфоразработках и лесозаготовках. Применялась лошадь и для обеспечения торговых операций (скупка продуктов в одном районе и перевозка для перепродажи в другом). По мнению зам. заведующего крайземуправлением М.А. Минеева, лошадь являлась "главным и решающим" фактором экономики единоличного хозяйства, "причем лошадь единоличником используется в меньшей части непосредственно в своем сельском хозяйстве и в большей степени на других работах, при этом последние составляют важнейшую, а нередко и главную часть доходов единоличников"⁶³.

Следующим по значимости источником заработков несельскохозяйственного характера была зарплата, в т.ч. получаемая в отходе. Далее следовали отхожие ("пешие") промыслы; ремесла⁶⁴ на базе своего хозяйства; лесные промыслы (охота, рыбная ловля и др.).

В 1935–1940 гг. размеры учтенных налоговыми органами неземледельческих и рыночных доходов изменялись следующим образом (тыс. руб.):

	Западно-Сибирский край	
	неземледельческие доходы	рыночные доходы
1935 г.	30126,4	40149,5
1936 г.	9062,0	7009,4
	Новосибирская область	
1937 г.	9576,7	2544,4
1938 г.	18353,1	5210,0
1939 г.	4001,0	1557,0

1940 г.	3137,2	Алтайский край	1201,7
1939 г.	1893,0		581,0
1940 г.	956,6		392,0
1941 г.	729,9		353,8

В 1935 г. продолжился начатый в 1933 г. рост удельного веса рыночных доходов в совокупном денежном доходе западносибирских единоличников. В 1936 г. ситуация изменилась. Значение неземледельческих заработков вновь возросло. В Новосибирской области в 1937 г. их размеры в 3,8 раза, а в 1938 г. – в 3,5 раза превышали рыночные. В 1938 г. 38,8% зафиксированных несельскохозяйственных доходов было получено от использования рабочего скота вне своего хозяйства. С 1939 г. в связи с увеличением доли безлошадных дворов размеры и значимость несельскохозяйственных доходов несколько снизились. Однако они по-прежнему существенно превосходили доходы от рыночной торговли. Этот вывод подтверждает и группировка единоличных дворов Новосибирской области по источникам дохода:

Категория хозяйства	Удельный вес, %	
	1938 г.	1939 г.
Без рыночных и неземледельческих доходов	34,6	51,5
С рыночными, но без неземледельческих доходов	8,0	9,0
С рыночными и неземледельческими доходами	18,9	15,8
С неземледельческими, но без рыночных доходов	38,4	23,7

В рыночной торговле единоличников в конце 1930-х – начале 1940-х гг. увеличилась роль реализации картофеля и овощных культур. Об этом можно судить по изменениям в структуре посевных площадей в единоличных хозяйствах Новосибирской области (%)⁶⁵:

	Зерновые культуры	Картофель и овощи
1936 г.	75,2	20,2
1937 г.	62,3	32,5
1939 г.	57,1	42,9
1940 г.	46,9	49,7

По данным налогового учета, удельный вес картофеля в общей площади посева в Алтайском крае составлял в 1939 г. 44,8%. в 1940 г. – 56,7, в 1941 г. – 65,7%.

Фиксация основного источника дохода используется как базовый критерий предлагаемой нами стратификации западносибирских единоличников по роду занятий ("социально-профессиональная" структура). При этом за рамки данной структуры мы выносим единоличников-пауперов (см. выше), которые не имеют доходов, получаемых извне, а их собственное хозяйство обеспечивает своим владельцам лишь нищенское существование.

В первую из выделяемых нами страт входят хозяйства, основным источником существования которых было сельскохозяйственное производство. Это единоличники-крестьяне. В свою очередь их можно разделить на две подгруппы: 1) крестьян, имеющих полевой посев, но ведущих фактически натуральное хозяйство и отчуждающих произведенную продукцию только в рамках "первой экономики", т.е. для исполнения денежных и натуральных обязательств перед государством; 2) крестьян, продающих произведенную продукцию на рынке. В числе последних были представлены как единоличники, имеющие полевой посев, так и единоличники, называемые нами "огородниками", которые имели только приусадебный участок (огород), но, проживая в пригородной зоне, активно торговали выращенной на нем продукцией на рынке. Подобные хозяйства могли иметь скот, включая продуктивный, и также реализовывать животноводческую продукцию на городском рынке или вразнос ("молочницы").

Второй из выделяемых нами "социально-профессиональных" страт мы дали название "единоличников-некрестьян". Это бывшие крестьяне, основным источником дохода которых стали неземледельческие занятия, а сельхозпроизводство стало иметь подсобное, потребительское значение. Данную страту также можно разделить на ряд подгрупп. В первой половине 1930-х гг. наиболее многочисленной из них была та, которая объединяла единоличников, получавших большую часть своих доходов от работы на лошади вне своего хозяйства. В отдельные подгруппы входят рабочие и служащие, размеры личных подсобных хозяйств которых превышали установленные нормы, кустари и ремесленники, облагаемые сельхозналогом, сельские жители, промышленяющие преимущественно охотой или рыбной ловлей. Большая часть "единоличников-некрестьян" была занята не в сфере производства, а в сфере услуг.

Источники не дают возможности точно определить численность и удельный вес различаемых по роду основного занятия групп и подгрупп единоличников. Можно говорить лишь об общих тенденциях изменения их социально-профессиональной структуры. В начале 1930-х гг. происходила активная переориентация единоличников на получение несельскохозяйственных доходов и их переход в категорию

"некрестьян". Что же касается хозяйств, оставшихся крестьянскими, то фактически действующий в этот период запрет свободной торговли отрезал большинство из них от рынка. В середине 1930-х гг. доля дворов, торгующих на рынке, в составе крестьянских хозяйств увеличилась, а соотношение последних с "некрестьянскими" стабилизировалось. Во второй половине 1930-х гг. удельный вес крестьян среди единоличников вновь стал снижаться, а "некрестьян" – расти. В конце 1930-х – начале 1940-х гг. доля хозяйств, основным источником существования которых были несельскохозяйственные занятия, несколько снизилась. Однако они по-прежнему представляли собой самую многочисленную группу единоличников, не относившихся к пауперам. В составе единоличников-крестьян в этот период увеличилось количество "огородников".

Заключение. Проведенный многофакторный анализ основных параметров дворохозяйства западносибирских единоличников в период с конца 1920-х по начало 1940-х гг. позволил прийти к следующим выводам. Генеральная тенденция количественных сдвигов, происходивших в деревне в указанный период, заключалась в снижении численности индивидуальных хозяйств и их удельного веса в составе сельского населения и сельскохозяйственном производстве. Данная тенденция являлась наиболее зримым выражением процесса раскрестьянивания. Однако раскрестьянивание происходило не только путем превращения единоличного крестьянства в колхозное. Глубокие социально-экономические и демографические изменения совершались и внутри самого слоя единоличников. Основными из них были:

- а) снижение людности единоличного двора;
- б) увеличение в его составе лиц старших возрастных групп;
- в) сокращение имущественных размеров дворохозяйств;
- г) увеличение доли несельскохозяйственных заработков в совокупном доходе семьи.

Эти изменения отражали процесс трансформации крестьянского хозяйства в некрестьянское. При этом часть единоличников, ранее бывших крестьянами, превращалась в пауперов, а часть – в самостоятельных работников, занятых в несельскохозяйственных отраслях (главным образом в сфере услуг). В результате произошла дифференциация единоличников на ряд страт, имевших общее происхождение и единый правовой статус, но принципиально отличавшихся друг от друга по месту в общественном производстве.

Указанные выше направления количественных и качественных изменений реализовались как во времени, так и в географическом пространстве с различной степенью интенсивности. Усиление давления

режима вызывало ускорение трансформационных процессов, ослабление приводило к стабилизации социально-экономического положения единоличников и даже их частичному окрестьяниванию. Цикл превращения крестьянского хозяйства в некрестьянское быстрее всего завершался в районах форсированной коллективизации (зона развитого зернового хозяйства). При этом преобладающим вектором стратификационных сдвигов выступала пауперизация крестьян, не вступавших в колхозы. В отдаленных районах с низкими темпами коллективизации единоличники имели больше возможностей для переориентации на неземледельческие занятия. Значительно дольше там сохранялись и собственно крестьянские хозяйства. Однако число последних постоянно уменьшалось, и к началу 1940-х гг. индивидуальное крестьянское хозяйство в том виде, в каком оно существовало в Сибири со времени начала российской аграрной колонизации, было фактически ликвидировано.

---

¹ Вполне обоснованную точку зрения о недостаточной изученности единоличного крестьянства высказал известный исследователь советской деревни периода коллективизации М.А. Вылцан (Вылцан М.А. Последние единоличники. Источниковая база, историография // Кооперативный план: иллюзии и действительность. М., 1995. С.72; Он же. Последние единоличники. Источниковая база, историография // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С.364). В то же время М.А. Вылцан не совсем прав, заявляя, что советские историки посвятили единоличникам 30-х гг. "лишь несколько небольших статей", список которых он приводит (см. указ. соч.). Краткая характеристика единоличного крестьянского хозяйства применительно к середине и концу 1930-х гг. давалась и в отдельных разделах ряда монографических работ, включая написанные самим Михаилом Августовичем. См.: Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973. С.350–351; Гущин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935–1941). Новосибирск, 1975. С.43–50; История советского крестьянства. Т.2: Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937. М., 1986. С.311–312; История советского крестьянства. Т.3: Крестьянство СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. М., 1987. С.39–41; и др.

Определенный вклад в историографию данной темы внесли соответствующие разделы наших работ (Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство в Сибири (конец 1890-х – начало 1990-х годов): тенденции и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999; Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып.1. Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930 – 1940 гг. Новосибирск, 2000). Однако они имели постановочный характер и полностью историографическую ситуацию не изменили.

² Методологические подходы к определению "пограничных" с крестьянством социальных групп разработаны Т. Шаниным. Им же выделены и наиболее значимые из этих групп. Единоличники в их число не попали. Т. Шанин также предложил свою типологию пограничных групп для использования в качестве мерила для анализа степени окрестьянивания или раскрестьянивания. – Шанин Т. Понятие крестьянства // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С.14–18.

³ ГАНО, ф.П-4, оп.34, д.64, л.3.

⁴ Это замечание относится и к нашей ранее опубликованной работе, в которой размеры единоличных крестьянских дворохозяйств Западной Сибири в 1931–1940 гг. рассчитывались на основе статистических сведений, полученных по различным методикам (Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство в Сибири... С.64). Признавая недостаточную корректность подобных расчетов, тем не менее отметим, что на их основе все же удалось в целом верно показать основные тенденции развития экономики единоличного двора.

⁵ Данные по Сибирскому краю за 1928 и 1929 гг. – ГАНО, ф.Р-47, оп.1, д.940, л.60–60об. Данные за 1929 г. в территориальных рамках Западно-Сибирского края. – там же, ф.Р-6, оп.1, д.1722, л.308. Данные по Западно-Сибирскому краю за 1930 г. – там же, д.1820; за 1931 г. – д.1946, л.100, за 1932 г. – д.2150, л.121; за 1933 г. – д.3150, л.129. Данные за 1934 г. по районам, отошедшим в Омскую область, – там же, д.2370, л.197–197об.; по районам, отошедшим в Красноярский край, – д.2370, л.198–198об.; по Западно-Сибирскому краю в новых границах – д.2370, л.195–195об. Данные по Западно-Сибирскому краю за 1935 г. – там же, д.2622, л.20–20об.; за 1936 г. – д.2981, л.14–15об. Данные по Новосибирской области за 1937 г. – там же, ф.Р-1162, оп.1, д.137, л.28–28об.; за 1938 г. – оп.2, д.37, л.5–5об.; за 1939 г. – оп.3, д.33, л.336–343; за 1940 г. – оп.4, д.26, л.165–166; за 1941 г. – оп.5, д.22, л.1–1об. Данные по Алтайскому краю за 1938 г. – РГАЭ, ф.7733, оп.16, д.1026, л.2–7; за 1939 г. – ЦХАФАК, ф.Р-606, оп.1, д.680, л.19–25; за

1940 г. – д.677, л.2–3; за 1941 г. – д.676, л.556–557. Отчет о результатах налогового учета по Алтайскому краю за 1937 г. не выявлен.

Применительно к этому году использовались отдельные сведения из сводных таблиц НКФ РСФСР – РГАЭ, ф.7733, оп.5, д.936, л.1–3.

Согласно указаниям НКФ РСФСР все данные отчетов привязывались к первому обязательному сроку уплаты сельхозналога. Для Западной Сибири – это 1 октября.

⁶ Ильиных В.А. Борьба за осуществление сельскохозяйственного налога в Сибири (1924–1927 гг.) // Материалы XXI Всесоюзной научной студенческой конференции "Студент и научно-технический прогресс". История. Новосибирск, 1983. С.63–64.

⁷ Сельхозналогом облагались и соответственно учитывались перезимовавшие овцы и козы, КРС старше 3-х лет в 1928–1938 гг., только коровы – в 1939–1941 гг., лошади старше 4-х лет – в 1928–1934 гг., лошади старше 3-х лет – в 1935–1941 гг., свиньи старше 6 месяцев – в 1939–1941 гг.

⁸ Эти нормы периодически менялись. В 1930–1932 гг. сельхозналогом не облагались рабочие и служащие, имеющие одну голову КРС (корову); в 1933–1934 гг. – имеющие приусадебный посев, сенокос, одну корову, мелкий скот, птицу; в 1935–1938 гг. – имеющие личное хозяйство, не превышающее по своим размерам норм, установленных уставом сельхозартели для колхозников данной местности. С 1939 г. рабочие и служащие стали облагаться сельхозналогом на равных с колхозниками условиях. – ГАНУ, ф.Р-6, оп.1, д.1717, л.25; д.1811, л.58; д.2148, л.10; Советская Сибирь. 1939. 4 сент.

⁹ Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство в Сибири... С.59.

¹⁰ Гуцин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне (1920-е – середина 1930-х гг.). Новосибирск, 1987. С.227, 231.

¹¹ Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири (1927 – 1937 гг.). Новосибирск, 1972. С.165–166.

¹² ГАНУ, ф.Р-6, оп.1, д.1946, л.1об.

¹³ Гуцин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне... С.247.

¹⁴ Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С.308, 319.

¹⁵ ГАНУ, ф.Р-12, оп.2, д.529, л.23, 28.

¹⁶ Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С.319.

¹⁷ Там же. С.346. По данным крайземуправления, в рамках новых границ Западно-Сибирского края на 1 января, 1 апреля и 1 июля насчитывалось 307,5 тыс., 305,6 тыс. и 309,8 тыс. единоличных дворов, а их удельный вес от общего числа крестьянских хозяйств составлял 32,8, 32,8 и 33,1%.

– Итоги выполнения сельскохозяйственных кампаний в Западно-Сибирском крае в 1933 и 1934 гг. Ч.1: Полеводство. Новосибирск, 1935. С.6.

¹⁸ Политика раскрестьянивания в Сибири. С.70.

¹⁹ Итоги выполнения сельскохозяйственных кампаний в Западно-Сибирском крае в 1933 и 1934 гг. С.6; Итоги выполнения сельскохозяйственных кампаний в Западно-Сибирском крае в 1935 г. Новосибирск, 1936. С.9.

²⁰ Западно-Сибирский край в новых границах в цифрах. Краткий стат. справочник. Новосибирск, 1935. С.91.

²¹ Колхозы во второй сталинской пятилетке. Стат. сборник. М.-Л., 1939. С.2.

²² Итоги выполнения сельскохозяйственных кампаний в Западно-Сибирском крае в 1936 г. Новосибирск, 1937. С.22–23; Итоги выполнения сельскохозяйственных кампаний в Западно-Сибирском крае в 1933 и 1934 гг. С.6. По данным налогового учета, в Западно-Сибирском крае в 1935 г. насчитывалось 159,0 тыс., а в 1936 г. – 61,2 тыс. единоличных хозяйств.

²³ Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство в Сибири... С.65.

²⁴ Основные показатели по сельскому хозяйству Новосибирской области. Новосибирск, б.г. С.28–29. Налоговый учет 1937 г. зафиксировал на территории области 38,7 тыс. единоличных дворов.

²⁵ Гущин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы. С.48.

²⁶ На территории Новосибирской области во владении единоличного двора разрешалось иметь не более 1 га пашни и 0,2 га приусадебного участка, включая находящиеся на нем постройки. – Политика раскрестьянивания в Сибири. С.173.

²⁷ История семьи Логиновой Пелагеи Петровны (с. Плотниково Новосибирского района Новосибирской области) // Банк данных российско-британского проекта "Социальная структура советского села".

²⁸ Гущин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы. С.50.

²⁹ Там же. С.75.

³⁰ Там же. С.50.

³¹ ГАНУ, ф.Р-6, оп.1, д.1946, л.1об.; д.2150, л.120, 128; д.2369, л.5; д.2621, л.10; д.2979, л.87.

³² Гущин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы. С.48, 75.

---

³³ Там же. С.61.

³⁴ Приходько Л.Н. Сельское население Сибири в конце 30-х годов // Демографическое развитие Сибири. 30–80-е гг. (Исторический опыт и современные проблемы). Новосибирск, 1991. С.28.

³⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.3: Развитие капитализма в России. С.141, 162–164.

³⁶ Методика определения основных направлений социальной мобильности крестьян по средним показателям их состоятельности (включая и среднедушевые) была применена нами. См.: Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство в Сибири... Там же (с.34) дается определение различных типов социальной мобильности.

³⁷ ГАНО, ф.Р-12, оп.2, д.1853, л.2, 79; Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С.291, 292.

³⁸ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979. С.31.

³⁹ ГАНО, ф.П-3, оп.2, д.586, л.173.

⁴⁰ В конце 20-х – начале 30-х гг. нормативов, определяющих объемы обязательных поставок сельхозпродуктов государству, не существовало. Принятые в начале заготовительной кампании задания могли в ее ходе меняться в сторону повышения (т.н. встречные планы). С 1933 г. система заготовок изменилась. Вначале для зерновых, а затем и для других видов сельхозпродуктов вводились строго определенные нормы поставок с одного гектара посева, а для молока, мяса и шерсти – с одной головы продуктивного скота. Исчисляемый на основе норм общий объем сдачи этих продуктов государству считался твердым заданием, всякое превышение которого запрещалось.

⁴¹ Политика раскрестьянивания в Сибири. С.135.

⁴² ГАНО, ф.П-4, оп.34, д.64, л.10; ЦХАФАК, ф.Р-569, оп.1, д.362, л.40.

⁴³ ГАНО, ф.Р-1162, оп.4, д.26, л.163, 165об.; ЦХАФАК, ф.Р-606, оп.1, д.681, л.4–5.

⁴⁴ Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство в Сибири... С.48.

⁴⁵ СЗ СССР. 1928. № 24. Ст.212.

⁴⁶ Подробнее о системе обложения единоличных крестьянских хозяйств, включая кулацкие, в конце 1920-х – 1930-е гг. см.: Политика раскрестьянивания в Сибири.

⁴⁷ К весне 1931 г., когда фактически началась следующая налоговая кампания, удельный вес выявленных кулаков в крае удалось довести до 0,9% от общего числа единоличных хозяйств. – Там же. С.14.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С.14–16.

---

⁵⁰ Удельный вес двухкоровных единоличных хозяйств на 1 января 1935 г., так же как и на 1 января 1936 г., составлял 0,5% от их общего количества. – Итоги переписи скота на 1 января 1936 г. в Западно-Сибирском крае. Новосибирск, 1936. С.9.

⁵¹ СЗ СССР. 1932. № 69. Ст.410б.

⁵² Цит. по: Политика раскрестьянивания в Сибири. С.123.

⁵³ 95% и более от поголовья КРС облагаемого возраста у единоличников составляли коровы, поэтому доля бескоровных хозяйств лишь ненамного превосходит удельный вес дворов, не располагавших КРС облагаемого возраста.

⁵⁴ В Сибирском крае максимальная доля бескоровных дворов – 10,4% – была зафиксирована в 1923 г., а безлошадных – 13,3% – в 1926 г. Накануне массовой коллективизации – весной 1929 г. – коров не имело 6,4% крестьянских хозяйств края, а рабочих лошадей – 8,0%. – Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство в Сибири... С.54.

⁵⁵ Социалистическое строительство СССР. Ежегодник. М., 1935. С.385; Численность скота в Запсибкрае. Итоги июньского учета скота 1935 года. Новосибирск, 1935. С.15; Итоги переписи скота на 1 января 1936 г. ... С.9. По данным 10% сельскохозяйственной переписи 1928 г., доля деревенских дворов, не имевших никакого скота, в юго-западных округах Сибирского края составляла 2,0%, без рабочего скота и коров – 2,9%. – Итоги 10% выборочного обследования отдельных хозяйств в 1928 г. по Сибирскому краю. Новосибирск, 1929. С.119.

⁵⁶ Цит. по: Политика раскрестьянивания в Сибири. С.138.

⁵⁷ В 1935 г., по данным налогового учета, на одно хозяйство без рыночных и неземледельческих заработков приходилось 0,70 га посева, 0,19 лошадей, 0,29 голов КРС и 0,20 овец или коз.

Среднестатистические размеры единоличного хозяйства в этом году составляли соответственно 2,12 га, 0,39, 0,40 и 0,35 голов, а средние размеры хозяйства, входящего в группу хозяйств, имеющих и рыночные и неземледельческие доходы, – 2,94 га, 0,70, 0,65 и 0,66 голов.

⁵⁸ Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976. С.236.

⁵⁹ Итоги 10% выборочного обследования отдельных хозяйств в 1927 году по Сибирскому краю. Новосибирск, 1928. С.91, 93, 103, 105, 115, 117, 139, 141.

⁶⁰ Быстренко В.И. Батрачество Сибири в 20-е годы XX века. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Томск, 2000. С.27.

⁶¹ Термин "вторая" экономика был введен социологами кадаровской Венгрии и означал второе занятие после рабочего дня или работу по

дополнительному контракту. Мы считаем возможным применять этот термин и для неземледельческих и рыночных заработков единоличников (как и для труда колхозников в личном хозяйстве), поскольку, с точки зрения режима, эти занятия должны были иметь подсобный характер, а основные усилия крестьяне обязаны были прилагать к выполнению производственных заданий государства. Виды занятий в рамках "второй" экономики можно иерархизировать в зависимости от степени госконтроля за ними – от регулируемых трудовым законодательством заработков на промышленных предприятиях, в строительстве и т.п. до нерегулируемой оплаты за предоставляемые непосредственно населению товары и услуги.

⁶² Коллективизация сельского хозяйства в Западной Сибири. С.261–262.

⁶³ Цит. по: Политика раскрестьянивания в Сибири. С.134.

⁶⁴ По данным налогового учета, в 1934 г. в Западно-Сибирском крае (в новых границах) насчитывалось 11,2 тыс. единоличных дворов, имеющих доходы от кустарно-ремесленных промыслов, что составляло 3,6% от их общего числа.

⁶⁵ Гущин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы. С.45; ГАНУ, ф.Р-1162, оп.3, д.33, л.338; оп.4, д.26, л.165. В 1927 г. в структуре посевной площади, включая усадебный посев, крестьян Барабинского, Новосибирского, Томского и Кузнецкого округов (т.е. приблизительно в будущих границах Новосибирской области) Сибирского края картофель и овощи занимали 2,3%. – Итоги 10% выборочного обследования отдельных хозяйств в 1927 году... С.19–21.